

ДАВАЙТЕ поставим эту пьесу, потому что все ее персонажи и все построение сюжета, безусловно, органичными будут именно в кукольном театре.

Если на такое предложение я отвечу: «Конечно. Давайте поставим», — я буду не прав. Всех этих, хоть и вполне обязательных, признаков еще недостаточно для того, чтобы принять пьесу к постановке. Нет. Я обязан тут же спросить: кому вы хотите показать этот спектакль? Детям? Или взрослым? А если детям, то каким: маленьким или большим? Разница в возрасте между детьми совсем не равна разнице в возрасте между взрослыми.

25-летние, 30-летние и 35-летние могут сидеть рядом в зрительном зале и разность их реакции будет зависеть только от разности темпераментов, профессий или близости темы спектакля к их личным интересам, но не от разности их возраста. А вот дети, десяти и пятнадцатилет — это совершенно разные люди и совершенно разные зрители. Показывать им один и тот же спектакль просто бессмысленно, а то и вредно.

Детям до пяти лет, как правило, показывать более или менее длительные спектакли нельзя, так как реакции их на действие не одновременны и различны. Один хохочет, другой еще ничего не понял и засмеялся, когда сосед смеяться перестал, третий заинтересовался тем, как смешно смеется сосед, четвертый устал и вертится на стуле, а пятому давно уже нужно выйти, и он тянет за рукав маму, та шепчет: «Потерпи, сейчас все кончится», тогда шестого интересует то, о чем шепчет тетя, а вовсе не то, о чем говорит зайчик. Таким образом, реакция одних тушит реакцию других, возникает общий шум, и контакт актеров со зрительным залом исчезает. Актеры уже не играют, а «проигрывают» полагающиеся им роли, «проговаривают» полагающиеся слова и заставляют зайчика делать полагающиеся движения. Занятие для актера почти оскорбительное.

Прежде чем показать на примере, как по-разному воспринимают один и тот же спектакль ребята разного возраста, мне хочется определить, что такое вообще восприятие искусства.

Всякое произведение искусства вызывает у человека, его воспринимающего, определенную ассоциативную эмоцию. Если эмоция не возникла, значит, данное произведение искусства фактически не воспринято. Ну, а раз так, то, значит, и никакого влияния на воспринимающего оно не оказало. Всякая эмоция либо во вред человеку, либо на пользу. Нейтральные эмоции не бывает.

Если она нейтральна, значит, это уже не эмоция.

Эмоция в искусстве такое же оружие, как лекарство в медицине. Одно и то же лекарство может быть и полезным и вредным, в зависимости от дозы и от того, кому и при каких показателях оно дано. Вот и в искусстве так же. Вызванные спектаклем слезы или смех могут быть полезными или вредными в зависимости от того, кому был

У нас есть спектакли для маленьких детей, адрес которых точен. Это «Волшебная калоша», «По щучьему велению», «Кот в сапогах», «Заячья школа», «Веселые медвежата», «Таинственный гиппопотам».

Точный адрес.

Я не буду рассказывать содержание каждого из них и в качестве примера точности приведу только «Веселых медвежат» Марины Поливановой. Эти «Медве-

КНИГА «Моя профессия» известного театрального деятеля, создателя одного из лучших театров в стране — Центрального кукольного, Героя Социалистического Труда С. В. Образцова вышла в свет почти тридцать лет назад. Продолжение этой «актерской исповеди», как определил Сергей Владимирович характер своего литературного труда, написано недавно.

ТОЧНЫЙ АДРЕС

Сергей ОБРАЗЦОВ

адресован этот спектакль и чем были вызваны слезы или смех.

Простой пример. Маленьким детям (пяти, шести, семи лет) нельзя показывать ничего страшного. «Красную шапочку» Перро показывать детям нельзя. Для них это страшнее, чем для взрослых «Отелло». Взрослые по крайней мере знают, что хоть актриса-то осталась жива. А дети? Дети-то уверены, что волк живой. Даже если «авангардный» режиссер сделал его зеленым в крапинку. Все равно живой. Раз шевелится — значит живой. Дети не раздвоены в своем восприятии. Для них персонаж и исполнитель не два лица, а одно — волк.

Однажды на наш спектакль «Кот в сапогах» какая-то мама пришла с дочкой лет трех или четырех. Как мама умудрилась обмануть бдительность наших педагогов и контролеров, я не знаю. Но факт тот, что девочка оказалась на коленях мамы в середине третьего ряда зрительного зала.

В этом спектакле есть великан-людоед. Это актер в маске, кажущийся действительно огромным по сравнению с маленьким котом. Маска у актера страшная по-смешному. И восьми-, семи-, шестилетние зрители встречают появление людоеда изумленным, веселым «Ой!». А четырехлетняя девочка, сидевшая на маминых коленях, закричала на весь зал: «Мама, выключи!». Мама «выключить» спектакль не могла и потащила рыдающую девочку, проталкиваясь через весь ряд, к выходу...

Режиссеры, писатели, художники, будьте поосторожнее с искусством! Особенно с искусством для детей. Всегда думайте: кому? И, не ответив на этот вопрос, не пишите сказку, не ставьте спектакль, не рисуйте картинку.

жата» про все счастливые семьи. Про всех бабушек, дедушек, внуков и внучек.

Дедушка свнуками делает утреннюю зарядку. «Раз, два, три, четыре — лапы вместе, лапы шире». «Теперь упражнение для хвостов». «Хвостик вверх, хвостик вниз... Ребята в зале в полном восторге. Это ведь и про них и не про них. Мамы пишут: «Спасибо вам, наш Володя стал любить делать зарядку и умываться, «как медвежата». А раньше силой не заставишь».

Во втором акте медвежата первый раз в городе. Но они же совсем ничего не знают ни про радио, ни про телефон, ни про электричество. Поэтому все время веселые недоразумения. Нет, пожалуй, ни в одном другом нашем детском спектакле такого количества смеха. Смеются все ребячьи рты. Все ребячьи глаза. Смеются всем залом так заразительно, что еле удерживаются от смеха сами актеры.

Кто-то сказал мне: «Да, конечно, чисто развлекательные спектакли тоже полезны».

Каждый раз меня злит этот термин «развлекательный», будто может быть какое-то развлекательное зрелище или даже просто анекдот без темы. Разве возникает смех без причины, его вызвавшей? Вникните в причину, и она может оказаться действительно полезной, а может быть и вредной. Причем бывает так, что чем смешнее, тем вреднее.

Радость зрителей «Веселых медвежат» полезная, веселая. Она учит любить сестренку, потому что она маленькая, любить дедушку и бабушку, не лениться и помогать, учит говорить «доброе утро», «спокойной ночи», «спасибо». Учит культуре общения. Учит тому, чему и надо учить маленьких. Но учит весе-

ло, смешно и очень наглядно.

По отношению к смешному нужно быть не менее бдительным, чем по отношению к страшному. Не всякий смех — добрый смех, не всякий смех — полезный смех. Не всякий смех зрителей заслуживает похвалы автору или режиссеру. Бывает, что это не заслуга их, а преступление. Иногда неосознанное, иногда намеренное, но очень часто спекулятивное. А в отдельных

увлечение и на доброе. Это значит, во-первых, не смаковать ни одного жестокого эпизода, и, во-вторых, необходимо, чтобы борьба была за что-то, безусловно, доброе. Чтобы герой боролся не за свое личное счастье, а за счастье другого. И чтобы была конечная победа доброго над злым. Иначе говоря, нужна романтическая героика.

Но она чаще всего в какой-то степени детектив. И, значит, ра-

Скоро издательство «Искусство» выпустит одной книгой обе части: первую — пересмотренную и дополненную и вторую — новую. Обобщение многолетнего опыта актера, режиссера и педагога, размышления над спорными злободневными вопросами в искусстве найдет читатель в «Профессии» Сергея Образцова. Публикуем в сокращении одну из глав новой книги.

случаях просто подсудное.

Нельзя смеяться над болезнью. Нельзя смеяться над старостью. Нельзя смеяться над горбатым.

Осторожно — искусство! Осторожно — дети!

Но хочу ли я этим сказать, что детям нельзя показывать ни страшного, ни смешного? Конечно, можно и то и другое. Вопрос только в том, что показывается и кому.

Если наши зрители 9—12 лет и особенно если они мальчишки, то уж тут без «страшного» никак нельзя. Они просто не будут смотреть спектакль. Их возраст активный, им необходимо прежде всего сюжетное действие, чтобы кто-то с кем-то боролся, кто-то кого-то побеждал. Раз так, то как может обойтись борьба без опасностей? А опасность — это и есть страшное.

Вот эту, свойственную возрасту подростков, мечту о жизни, полной приключений, связанных с опасностями, риском, мечту о «страшном», как объекте борьбы с ним, можно использовать и во зло, и во благо.

Можно «раздразнить» зрителей детективами настолько, что разовьется в них и безжалостность, и садизм, и все, что хотите. Недаром социологи и педагоги многих стран Европы и Америки и в печати, и в парламентах ведут, к сожалению, безуспешную борьбу с телевизионными и кинодетективами, в которых, как писал один из американских социологов, «за дватри часа дети видят на экране пятьдесят «настоящих смертей». С треском раскалываются черепа, вываливаются мозги, лужами растекается кровь. Эти картины — спекуляция на естественном увлечении подростков приключениями и борьбой.

Но ведь можно направить это

ботая над романтико-героическим спектаклем, я не имею права терять бдительность. Не имею права не думать о том, кому мы будем играть этот спектакль. Бывает так, что ошибка режиссера становится для него очевидной только на самом спектакле. Зрительская реакция буквально пальцем показывает: «Смотри, что ты сделал. Разве так можно?».

В финале спектакля «Маугли» есть такой эпизод.

Тигр Шерхан хочет уничтожить Маугли. Но Маугли член волчьей стаи, вожак которой старый волк Акела. И пока он вожак, стая не выдаст Маугли. Тогда Шерхан подговаривает молодого волка вызвать Акелу на бой, победить его, стать вожаком и отдать Маугли ему, Шерхану.

Черная пантера Багира говорит Маугли, что Шерхан боится только красного цветка, который выращивают люди у своих жилищ. Маугли достает огонь и деревенский нож. И в тот момент, когда Шерхан готов сам броситься на Акелу, Маугли появляется в стае. Шерхан испуган. Он боится огня. Его легко можно убить, так как от страха он не в силах даже поднять лапу. Можно, да нельзя. Это будет убийство беззащитного. Это будет казнь. И Маугли станет палачом. Никогда еще палач никому не казался героем.

Тогда мы поступили иначе. Маугли кричит: «Что? Боишься красного цветка? Боишься? Смотри, я бросаю красный цветок. Прыгай. Ну, прыгай!». И Шерхан прыгает, подминая под себя Маугли. Зал замирает. А Шерхан вдруг падает на бок и лежит неподвижно. Ребята кричат, аплодируют. Они счастливы. Они рады не убийству Шерхана, а спасению Маугли. Маугли жив. Маугли спасен. А значит, спасен и Акела. Спасена волчья стая. Спасена справедливость.